

Независимая газета - 1996 - 20 апр. - с. 7.

СТРАХ ШЕСТИДЕСЯТНИКА ПЕРЕД ДЕВЯНОСТЫМИ

Его любили-любили, а он взял и постарел

Сергей Митрофанов

Персона

Евгений Евтушенко. Мое самое-самое. — М.: ХТС, 1995, 10 тыс. экз.

Д ОЛГОЕ время считалось, что культуры советская и антисоветская существовали как бы в двух разных измерениях. Представители одной культуры презирали представителей другой, а все вместе они превращали в белое пятно тех своих коллег, которые находились между — в пограничном состоянии. И в этом смысле Евгению Евтушенко не везло. О нем даже говорили: «Потепление политического климата — Евтушенко едет на Запад. Похолодание — Евтушенко все равно едет на Запад». И читатели, и критики, и, думается, сам Евтушенко прекрасно понимали, что можно многого достичь в этом пограничном состоянии — относительного почта, литературных званий, места в президиуме, тиражей, но только не пьедестала Большого народного поэта.

Однако постперестройка смягчила конфронтацию культур. Особенно это заметно по положению в кинематографе. Реальность, отображенная методами соцреализма, в массовом сознании стала восприниматься своеобразным ретро. Но и в литературе полного отторжения советской культуры с изменением политической надстройки не произошло. И не только потому, что большинство населения продолжает жить при бытовом социализме и как бы еще в СССР. Оказалось, что пришедший на смену андеграунда крайне одиозно. В нем много говорилось о политике и гражданской позиции, но также в нем было и очень много цинизма, гротеска и совсем не было души. Зато советская культура (если элемент идеологии отнести на счет декораций) была — о любви, о дружбе, о подвиге, о труде... Что совсем не лишнее. Образовался уникальный синтез культур, а кроме того, появилась возможность непредвзято разобраться и с творчеством «пограничников».

Одну из таких возможностей нам предложил последний сборник Евгения Евтушенко «Самое-самое». Читать его действительно интересно. Хотя все же и не потому, что это самое-самое. Поэзия Евтушенко как раз самая средняя, у него, например, никогда не было особенных поэтических прозрений, и в его поэзии, например, даже есть такие странности, как зарифмованные впечатления о бракоразводном процессе («Третий развод»)... Однако сборник

интересен прежде всего потому, что это уникальный документ — фактически автобиография человека, который всю жизнь оттачивался от своей страны, когда она была с ним, а потом оказался в пустоте, когда ее из-под ног его выдернули.

Эта трагедия вообще очень характерна для шестидесятников. И хотя Евтушенко таким образом никогда свою проблему не формулировал, она тем не менее очень ясно прочитывается через его сборник насквозь. В результате «Самое-самое» производит очень сильное и очень странное впечатление...

Даже если не читать стихи, а просто взять иллюстративный ряд книги, это уже будет фильм о великой иллюзии шестидесятничества, снятый, правда, в традициях соцреализма. Давайте посмотрим его.

Часть первая. Женя Евтушенко, 1938 год — прелестный мальчик. «На эстраде» в 1957-м — очень мажорный кадр. С Генрихом Бэллем, с Федерико Феллини — все в 1962-м. С Игорем Стравинским в Лос-Анджелесе — в 1966-м. С Робертом Кеннеди на одном диване — в 1967-м. И апофеоз —

Евгений Евтушенко кормит и поит с руки, как голубя, королеву красоты Латинской Америки.

Часть вторая. Новые времена. С бутылкой — 1981 год. Со стаканом и женой Машей — 1987-й. Мрачно за спиной доверенного лица на предвыборном митинге — 1989-й. Как бы в робу — кадр из фильма «Похороны Сталина» (1989 г.). По дороге к могиле (Генриха Бэлла) — 1994-й. И все-таки живой и с сыновьями — 1994 год.

Если разобраться, то и поэзия о том же. Особенно периода постперестройки. «Я — не из «коммуна». Но плачу флаг и плачу» (1992 г.). «Я — последний поэт коммунизма, которого не было» (1993 г.). И самое последнее стихотворение. Начинается маргинальной строчкой: «Люблю, когда звездочки все еще плещут...» А

потом вроде бы ни с того ни с сего: «Россию люблю, а вот все ее власти хотел бы любить, но — простите — тошнит» (1995 г.).

Впрочем, кидать камни в поэтов — занятие малопочтенное, и заниматься этим приходится лишь потому, что висеть на кресте поэту, как правило, одно удовольствие, а критика — им просто мед в уши. Что греха таить? Кругозор Евтушенко явно не космический. Он с чего начал — «Я кошелек, лежу я на дороге... Не тот, кто надо, подберет меня» (1955 г.) — тем, собственно, и кончил — все той же приземленной проблемой человека, которого не оценили. Которого любили-любили, а он взял и постарел. «Я всегда при- творился, что вся моя жизнь — только юность, и на этом-то я постарел-погустал...» (1994 г.). Проблемой человека, у которого отобрали диван с Робертом Кеннеди.

С одной стороны, эта проблема смешна и для творчества мелка, но одновременно она... страшно трогательна. Потому что политическая составляющая русскоязычной поэзии, как и сама поэзия вообще, временем девальвирована, а вот все то, что касается проблемы единичного «я», вышло по важности у поколения на первый план, хотя оно в этом себе еще не призналось. Ведь всех остальных, которым хорошо за сорок, которые читали, восхищались, смеялись над Евтушенко последние два-три десятилетия, ведь их тоже любили-любили, а они взяли и вдруг постарели, и их тоже не оценили, и у них так же выдернули из-под ног страну...

«Мы — «старые русские», — пишет Евгений Евтушенко, возможно, излишне откровенничая, возможно, нарываясь на пародию, но неизменно попадая в точку, — наивно погрязшие в частностях, в честностях. Хребты наши хрустнули у новеньких русских на челюстях». Поэт, некогда оказавший сверхогромное влияние на аудиторию тем, что на границе лояльности и недовольности умудрялся высказать не очень ясные и не очень расшифрованные, но все-таки продвинутые по отношению к государственной культуре идеи, сегодня не боится признаться в самом-самом — в своем самом частном страхе: «...нечестно, словно призрак, являться к любимой в пургу и ночные дожди...» За это в него полетят камни, и за это ему припомнят довольно благополучную литературную жизнь, за это, возможно, ему припомнят раздражающие строчки типа «огнажды в Сохо было нам нелюбо», но критика эта будет справедлива лишь отчасти, потому что, перефразируя слова Хемингуэя про колокол, не надо спрашивать, чей это страх, — это страх твоего поколения...